

Е.В.Максимова

РОЛЬ РЕЛИГИИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Рассматривается проблема роли религиозной составляющей в структуре территориальной идентичности. Выявляется значимость религиозной идентичности в условиях глобализации и обосновывается необходимость анализа конкретной культурной ситуации для определения места религии в контексте проблематики идентичности территории или региона. Показана возможность создания моделей религиозной идентичности, альтернативных западному конструкту, и более эффективных для решения проблем российского и других сообществ.

Ключевые слова: территориальная идентичность, религиозная идентичность, религия, сообщество, этнос

Как и любое сообщество, территориальное объединение людей нуждается в развитии идеи о том, каковы его характерные отличительные и объединяющие черты, установки и идейные основания, как оно достигло того состояния, в котором находится сейчас, какую историю прошло, и т.д. Так возникает местная культурная идентичность, существование которой служит нескольким целям: она удовлетворяет интеллектуальное любопытство своих членов относительно того, как необходимо представлять и ощущать их общее жизненное место и путь, в чем состоит отличие их сообщества от многих других, в чем заключается его уникальность и что подразумевает участие в нем [1].

Территориальное сообщество состоит из тысяч или миллионов людей, каждый из которых никогда не увидит и лично не столкнется с большинством остальных, но при этом для их блага должен совершать налоговые отчисления, жертвовать своей свободой, временем, а иногда и жизнью. Территориальная или региональная целостность также охватывает бесчисленные прошлые и будущие поколения, к которым через свою культурную идентичность индивид прикрепляется общими связями преданности, долга, аффектов и обязательств. Чувство территориальной и культурной причастности устанавливает связь между индивидом и предками. Однако если какая-то этническая или религиозная составляющая территориальной организации начинает претендовать на монополию смыслов и скрепляющих идей, а также, если на уровне государства или региона проводится осознанная или неосознанная политика ассоциирования этнической принадлежности с определенной религией (например, выражение «этнические мусульмане»), это провоцирует межэтнические и межнациональные конфликты, вызывает у этнического меньшинства защитную реакцию и дает почву для возникновения националистических установок.

Социальная справедливость и мудрость требует того, чтобы большинство могло противостоять искушению культурного присвоения идентичности сообщества, но данная установка, при всей ее идеальности, не всегда является самой предпочтительной на практике. История большинства стран творилась не равновесием большинства и меньшинства и не религиозным плюрализмом, а совершенно определенными этническими или культурными группами, чей опыт и ценности глубоко фундированы в социальных и государственных структурах: такова роль англичан в Великобритании и англо-саксов в США. Более того, некоторые страны, такие как Израиль, и возникли единственно с целью реализовать национальные устремления доминирующей общины, и невозможно от них ожидать, что радикальные изменения, затрагивающие их самодефиниции, гимн, религию и мораль, протекали бы в этих сообществах без ущемления интересов большинства и без создания обширного кризиса территориальной идентичности [2]. Даже когда страны определяют свою идентичность не в терминах определенных социальных групп, влияние доминирующей группы проникает сквозь институты, практики и символы в неявном виде. Хотя отцы-основатели Индийской республики скрупулезно стремились избежать определения национальной идентичности в терминах индуизма, само название Индии Бхарат, национальный гимн, написанный на санскритизированном бенгальском, а также национальный девиз, взятый из индуистского эпоса Махабхараты, являются свидетельствами преобладающей индуистской традиции. Слова Наренды Моды о том, что индуизм — это не религия, а культура, — хотя и пытаются оправдать его определение “India is a Hindu country”, смягчив его характер, но переносят терминологию религии индуизма на этническую и общегосударственную почву. Подобный процесс национального «присваивания» идентификаторов религиозного большинства («наше православие») и использование религиозного смысла понятий в светской сфере (христианский смысл понятия «духовное» в российских СМИ и политических документах) может иметь совершенно разные последствия, в зависимости от истории и особенностей формирования идентичности данной территории. Если национальная идентичность традиционно связана с религиозной, как это имеет место в Индии, то это может быть воспринято как вариант аутентичной культурной идеи; если же имеет место разрыв между традиционным и секулярным сознанием и фактическое замещение первого вторым, как в России, вследствие событий Октябрьской революции, то опора на ценности религиозного мифического «большинства» не обретет силы поддержки несуществующего последнего, но может привести к недовольству активных религиозных меньшинств и возбуждению ощущения дискриминации и ущемления религиозной и национальной идентичности.

Определение национальной и территориальной идентичности в мультикультурном регионе — это прогрессирующе сложное предприятие, включающее пересмотр конфликтующих претензий. Дефиниции идентичности не могут и не должны быть культурно нейтральными, так как в этом случае они не будут устоять никому, а также окажутся лишены силы вызывать к жизни историческую память. Нет единого и простого пути выражения в идентичности всех чаяний социальных групп, и каждый раз требуется заново создавать смысловой баланс, несмотря на общие правила структурирования совместности [3].

Хотя территориальное единство не может отрицать историческую унаследованную идентичность, оно должно утверждать себя как мультикультурное, подразумевая культурный плюрализм и набор идей, без которых сообщество не сможет сохранять себя в ситуации кризиса или даже побуждать своих членов к отчуждению части их возможностей ради всеобщего блага в стабильное время. Человек может пользоваться в стране всеми правами гражданина и быть формально полноценным членом сообщества, и все же чувствовать себя изгоем, не принадлежа главному культурному ядру, смысловому этосу и его определениям. Таково положение многих афро-американцев в США, азиатов в Великобритании, арабов в Израиле, до недавнего времени — мусульман и сикхов в Индии. Полноценная причастность и принадлежность территории есть полное двустороннее приятие, чувство дома и справедливости, касающееся не только прав, но и ментальности [4].

Разнообразие культур и культурный плюрализм в условиях глобализации не должны быть поводом для слепого копирования чужого опыта решения вопросов идентичности. Осознание того, что территориальное единство, особенно такое древнее, как Великий Новгород, есть сложное ценностное образование, должно предостерегать от упрощенного, гомогенизированной и унифицированной модели региональной идентичности и побуждать к внутреннему культурному диалогу, создающему пространство критической мысли и порождающему внутреннюю жизнеспособность культуры. Культура или религия, которая рассматривает себя как первичную и первостепенную, имеет опасность принять застывшую форму, подавляющую, а не разрешающую ее внутренние противоречия. Что касается влияния религиозной идентичности на национальную и территориальную, то многое зависит от того, насколько сама данная религиозная организация желает вести замкнутую жизнь (как, например, общины амишей в Америке, или староверов и неоязычников в Великом Новгороде), и поддерживать ограниченные контакты с населением и более широким сообществом, или же интегрироваться в общество так, как это делают мигранты. Чем больше вовлеченность в жизнь общества в целом, тем большая ответственность лежит на обществе в отношении осознания характера религиозного меньшинства в своей территориальной идентичности.

По мнению индийского исследователя Б.Парекха, существует сильная тенденция со стороны некоторых западных стран играть роль мировых миссионеров и утверждать позицию, согласно которой другие культурные и политические сообщества, такие, как Россия или Индия или Сирия, нуждаются в реформировании идентичности и в «моральном руководстве», в том числе и в оценке роли религии в обществе [5, с. 131]. «Религиозная идентичность» является западным конструктом, в основном фигурируя в дискуссиях западного секулярного контекста и подразумевая смысл индивидуализма, — понятия, построенного на представлении о единичной независимой личности, которой присуща уникальная конфигурация внутренних атрибутов (черт, мотивов, ценностей), которая ведет себя в соответствии с этой структурой и выстраивает отношения с другими индивидуумами [6]. Западная концептуализация идентичности сосредотачивается не столько на отношениях между людьми, сколько на поддержании веры во «внутренне присущее разделение отдельных личностей» [7, с. 226], при этом игнорируя тот факт, что в некоторых культурах, таких как индийская, подобное разделение может отнюдь не являться желаемым состоянием [8]. Альтернативная концепция идентичности, более приемлемая для описания религиозных обществ Юго-Восточной Азии, была предложена антропологом К.Герцем, «связавшим» индивидуума необходимостью утверждения и выражения внутренних атрибутов [6]. В его теории личность представлена, прежде всего, как часть социального целого, которая не может быть понята вне отнесения к другому.

Насажение западной модели секулярного общества не только может не соответствовать многовековому и целостному единству, такому, как, например, шариат, но и быть псевдопроблемой для такой страны, как Россия, которая уже целый век имеет самостоятельную и выстроенную на своих собственных культурных основаниях секулярную идентичность. Такие претензии Западного территориального сообщества могут быть поняты как форма неоколониального господства, и нет причин полагать, что у России или у Индии недостаточно культурного и интеллектуального материала для самостоятельного решения вопросов собственной идентичности и ее перспектив.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Новгородской области в рамках научного проекта № 16-13-53002 «Территориальная идентичность как символический ресурс региона».

1. Федотова Н.Г. Конструирование территориальной идентичности: коммуникативные аспекты [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета: электронный научный журнал. 2016. № 1 (5). С. 1-4. URL: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1215432> (дата обращения 01.04.2017).

2. Walzer M. The legal codes of Ancient Israel // Yale Journal of Law and the Humanities. 2013. Vol. 4. Iss. 2. P. 335-349.
3. Шматко Н.А., Кочанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. 1998. № 4. С. 94-97.
4. Ляушева С.А., Нагой А.А. Религиозная идентичность в современной культуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп, 2009. Вып. 9. С. 221-225.
5. Parekh B. Rethinking multiculturalism. Cultural diversity and political theory. Cambridge, Massachusetts, 2000. 306 p.
6. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays by Clifford Geertz. N.Y.: Basic Books, Inc. Publishers, 1973. 470 p.
7. Markus H., Kitayama S. Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation // Psychological Review. 1991. Vol. 98. № 2. P. 224-253.
8. Hollingsworth A. Geopolitics of Intimacy and Anxiety: Religion, Territory, and Fertility in Leh District, Jammu and Kashmir, India. The University of Arizona. 2009. 358 p.

References

1. Fedotova N.G. Konstruirovaniye territorial'noy identichnosti: kommunikativnye aspekty [Elektr. resurs] // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta: elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2016. № 1 (5). С. 1-4. URL: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1215432> (data obrashcheniya 01.04.2017).
2. Walzer M. The legal codes of Ancient Israel // Yale Journal of Law and the Humanities. 2013. Vol. 4. Iss. 2. P. 335-349.
3. Shmatko N.A., Kochanov Yu.L. Territorial'naya identichnost' kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya // Sotsis. 1998. № 4. С. 94-97.
4. Lyausheva S.A., Nagoy A.A. Religioznaya identichnost' v sovremennoy kul'ture // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, ekonomika, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya». Maykop, 2009. Vyp. 9. С. 221-225.
5. Parekh B. Rethinking multiculturalism. Cultural diversity and political theory. Cambridge, Massachusetts, 2000. 306 p.
6. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays by Clifford Geertz. N.Y.: Basic Books, Inc. Publishers, 1973. 470 p.
7. Markus N., Kitayama S. Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation // Psychological Review. 1991. Vol. 98. № 2. P. 224-253.
8. Hollingsworth A. Geopolitics of Intimacy and Anxiety: Religion, Territory, and Fertility in Leh District, Jammu and Kashmir, India. The University of Arizona. 2009. 358 p.

Maksimova E.V. The role of religion in construction of territorial identity. The article is devoted to the problem of the role of religious component in the structure of territorial identity. The author explicates the importance of religious identity in terms of globalization and substantiates the necessity of the analysis of the specific cultural situation for determining the place of religion in the context of territorial or regional identity problematic. The articles shows the potential of creating new models of religious identity which are alternative to the Western construct and more effective for solving the problems of Russian and other societies.

Keywords: territorial identity, religious identity, religion, community, ethnos.

Сведения об авторе. Е.В.Максимова — кандидат философских наук, доцент; кафедра теории истории и философии культуры ИГУМ НовГУ; novsu.maximova@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 16.05.2017.